

— Ты... хорош. — Жун Цзюэ бросил ароматическую палочку, оставив последний штрих незавершенным.

Фан Ляочжи рухнул на пол, его глаза были пусты.

Незавершенный иероглиф «мянь» был выжжен возле шрама от меча на сердце Фан Ляочжи. Жун Цзюэ долго смотрел на него, не произнося ни слова, пока не наступило время ужина.

Тело перед ним было невероятно худым, кожа темной и грубой, покрытой шрамами. Оно разительно отличалось от того, что когда-то ежедневно покоилось в его объятиях — с белоснежной кожей и сильными, изящными линиями. Жун Цзюэ холодно усмехнулся, накрыл лежащего человека одеждой и поднялся.

— Цзю-эр, готовь паланкин. — Наконец Жун Цзюэ вышел, и Лин Чэ с Цзю-эром, ожидавшие снаружи полдня, поспешили к нему навстречу.

— Прикажи его вымыть и накормить.

Цзю-эр заглянул в комнату, где Фан Ляочжи лежал без сознания, явно подвергнутый пыткам.

— Он? Останется здесь? — не удержался от вопроса Цзю-эр.

— Пока оставь его здесь. — Голос императора слегка дрогнул, и Лин Чэ поспешил поддержать его.

— Лин Чэ, я все думаю, что он жив. — Жун Цзюэ крепко сжал руку Лин Чэ.

— Ваше Величество, позвольте мне провести вас на отдых. — Лин Чэ, сердце которого сжималось от боли, бросил взгляд на Фан Ляочжи, и в его душе снова вспыхнула ненависть.

После выхода из кабинета Шаньинь у Жун Цзюэ поднялась высокая температура.

Эта внезапная болезнь озадачила даже придворных врачей, которые не решались прописать сильнодействующие лекарства, ограничившись слабыми отварами. Цзю-эр неустанно ухаживал за императором день и ночь, но улучшения не наступало.

К полудню следующего дня Жун Цзюэ все еще был без сознания. Лин Чэ, охваченный тревогой, схватил кнут и отправился к Фан Ляочжи.

— Подлец, что ты сделал с императором? — Лин Чэ с силой распахнул дверь кабинета Шаньинь. Фан Ляочжи лежал на кровати,пил рисовый отвар.

Удар кнута выбил из его рук миску.

Фан Ляочжи не успел среагировать, как удары посыпались на него, словно град. Он попытался отползти к ножкам кровати, укрывшись одеялом.

— Лин Чэ, ты с ума сошел?

Лин Чэ замешкался, остановив кнут. Как этот человек, не имеющий никакого положения, осмелился называть его по имени?

— Я спрашиваю, что ты сделал с императором?

— Что с императором? — Фан Ляочжи выглянул из-под одеяла, его лоб покрылся испариной. За это короткое время его тело покрылось десятками следов от кнута, боль пронзала насквозь.

— После встречи с тобой у него поднялась температура, и уже два дня она не спадает.

Фан Ляочжи полностью выбрался из-под одеяла.

— Что ты сказал?

— Император заперся здесь с тобой. Что вы делали? Почему он заболел? Даже врачи не могут понять причину. — Лин Чэ едва сдерживал слезы.

— У тебя вообще есть мозги? Что я могу сделать с императором? Ты, командующий гвардией, только и умеешь, что применять силу, а теперь еще и ревешь. Ты бесполезен! — Фан Ляочжи, вне себя от гнева, обрушил на него поток оскорблений.

Лин Чэ был ошеломлен. Этот человек не только осмелился назвать его по имени, но и оскорбил.

— Отведи меня к нему! — Фан Ляочжи говорил повелительным тоном.

Не то чтобы Лин Чэ испугался его напора, но, беспокоясь за Жун Цзюэ и чувствуя, что этот человек может знать что-то важное, он машинально согласился.

— Хорошо.

— Неси меня на спине, я весь в ранах и не могу идти. — Фан Ляочжи снова отдал приказ.

Лин Чэ чувствовал, что ситуация становится странной, но, беспокоясь за Жун Цзюэ и подозревая, что у этого человека есть свои хитрости, он подчинился.

— Не вздумай хитрить, иначе я тут же убью тебя.

— Хватит болтать, быстрее! Разве я бы стал хитрить на твоих глазах? — Фан Ляочжи, нервничая, даже выругался.

Лин Чэ понес его в императорские покои. Раны на спине Фан Ляочжи еще не зажили, и новые повреждения от ударов кнутом причиняли ему нестерпимую боль.

Цзю-эр был удивлен, увидев, как Лин Чэ несет на спине того нищего. Но, зная, что Лин Чэ — самый доверенный человек императора, он молча отошел в сторону.

Фан Ляочжи положил руку на запястье Жун Цзюэ, затем наклонился, чтобы прислушаться к его сердцебиению. Он слушал долго.

— Сердечная недостаточность, вызванная чрезмерным волнением, переутомлением и глубокой печалью. Эта болезнь не возникла в одночасье, она накапливалась долгое время. Это болезнь сердца. — Фан Ляочжи вздохнул.

— Хватит слов, что делать? — Лин Чэ был в отчаянии.

— Болезнь сердца требует лекарства для сердца. — Фан Ляочжи опустил глаза, его лицо выражало печаль.

Лин Чэ молчал. Он знал, что стало причиной болезни Жун Цзюэ. И знал, что лекарства для его сердца больше не существует.

Фан Ляочжи взял руку Жун Цзюэ и начал сильно надавливать на определенные точки.

— Что ты делаешь? — Лин Чэ протянул руку, чтобы остановить его.

— Эти точки связаны с сердцем, они облегчат его состояние. Ты бы не паниковал по пустякам.

— Фан Ляочжи был раздражен и говорил с Лин Чэ резко.

— Когда он поправится? Что, если ты сделаешь ему хуже? — Хотя Лин Чэ сомневался, он все же убрал руку.

— Не знаю. Если станет хуже, я умру. — Фан Ляочжи даже не поднял глаз, продолжая надавливать.

Лин Чэ был возмущен его словами, но продолжал наблюдать за Фан Ляочжи, не отходя ни на шаг.

Они провели у постели Жун Цзюэ всю ночь. К полуночи Лин Чэ с облегчением обнаружил, что температура у императора снизилась. Он хотел поблагодарить Фан Ляочжи, но, обернувшись, увидел, что тот потерял сознание от усталости. Лин Чэ поспешил распорядиться, чтобы Фан Ляочжи отнесли обратно в кабинет Шаньинь и позаботились о нем, а затем вызвал врача для осмотра Жун Цзюэ.

Прошел день, и Жун Цзюэ наконец пришел в себя. Цзю-эр накормил его легким рисовым отваром. Увидев, что император выглядит лучше, Лин Чэ успокоился.

— Ваше Величество, вы наконец очнулись. Температура держалась несколько дней, я был в отчаянии.

— Это всего лишь лихорадка, не стоит так волноваться. — Жун Цзюэ выпил лекарство и поднялся. — Я здесь слишком долго, государственные дела нельзя забрасывать. Завтра готовьтесь к возвращению во дворец.

Жун Цзюэ потянулся, чувствуя необычайную легкость в теле.

— Как странно, после лихорадки я чувствую себя лучше.

Лин Чэ, услышав это, слегка опустил голову и тихо сказал:

— Ваше Величество, я... в отчаянии пошел к тому... нищему... Он попросил меня привести его. Я... я согласился...

— Что это за заикание? — Жун Цзюэ улыбнулся.

— Он осмотрел вас, объяснил причину болезни и несколько часов массировал определенные точки. После этого ваша температура спала, а он потерял сознание. — Лин Чэ продолжал докладывать.

Жун Цзюэ нахмурился.

— Так слаб?

— Ваше Величество, вы не сердитесь, что я самовольно привел его?

— Я ведь поправился, за что мне на тебя сердиться?

— Я... я его ударил. — Лин Чэ опустил голову еще ниже, его голос стал едва слышным.

— Что ты сказал? Повтори. — Не то чтобы Жун Цзюэ не расслышал, но в его голосе прозвучал гнев.

Лин Чэ не осмелился поднять глаза.

— После вашего выхода из кабинета Шаньинь у вас поднялась температура. Я, волнуясь, пошел к нему...

— Я же сказал тебе не трогать его. Ты что, не считаешься с моими словами? — Жун Цзюэ строго спросил.

Лин Чэ опустился на колени, прося прощения.

— Ваше Величество, я действовал в отчаянии, не желая ослушаться.

— Пойдем со мной. — Жун Цзюэ поднял Лин Чэ и направился в кабинет Шаньинь. Лин Чэ наконец понял, насколько важен был этот человек для Жун Цзюэ.

Когда они прибыли, Фан Ляочжи лежал один, без присмотра. Лин Чэ внутренне корил себя за небрежность. Кто бы стал заботиться о человеке без положения?

Жун Цзюэ прикоснулся к его лбу — он был горячим. Откинув одеяло, он увидел десятки следов от кнута.

— Вызови врача. — Жун Цзюэ приказал Цзю-эру, который следовал за ним.

Цзю-эр вышел, а Жун Цзюэ начал расстегивать одежду Фан Ляочжи. Раны на теле гноились, и, слегка потянув за ткань, он содрал кусочек кожи. Жун Цзюэ остановился, его пальцы слегка дрожали.

— Ты пойдешь и станешь на колени снаружи! — Жун Цзюэ с трудом сдерживал гнев, и его слова были явно адресованы Лин Чэ.

— Слушаюсь. — Лин Чэ не сказал ни слова, молча выйдя.

— Жун-эр... — лежащий без сознания человек начал бредить. Жун Цзюэ, услышав эти неясные слова, внутренне содрогнулся.

— Кого ты зовешь? — он тут же спросил.

Но Фан Ляочжи больше не произнес ни слова.

Врач прибыл быстро, осмотрел пульс, поднял веки Фан Ляочжи и тяжело вздохнул.

— Ваше Величество, он пережил страшное испытание, рядом с сердцем у него сквозное ранение от меча. Его состояние действительно тяжелое. — Главный врач Императорской лечебницы Лю Мянчжи опустился на колени.

— Вы всегда преувеличиваете, а лекарства прописываете самые слабые. Обычно я не обращаю на это внимания. Но сейчас вы должны спасти его. Если он умрет, вы не вернетесь во дворец.

— Жун Цзюэ редко говорил так строго, и Лю Мянчжи понял, что император настроен серьезно. Он вытер пот со лба и сказал:

— Я приложу все усилия.

— На его теле много крови и гноя, Ваше Величество, не хотите ли удалиться? — Лю Мянчжи начал накладывать повязки и ставить иглы.

<http://bllate.org/book/16817/1564611>